

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ИСЛАМА КАРИМОВА: ОТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАНИЦ К РОЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАТОРА (1991–2016 ГГ.)

Сердцев Никита Сергеевич

Аспирант, ФГБОУ ВО Алтайский государственный
педагогический университет, г. Барнаул
onlyd2@yandex.ru

**UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY
TOWARDS AFGHANISTAN DURING ISLAM
KARIMOV'S PRESIDENCY: FROM BORDER
SECURITY TO THE ROLE OF A REGIONAL
MEDIATOR (1991–2016)**

N. Serdtsev

Summary: The article examines the evolution of the Afghan policy of the Republic of Uzbekistan during the presidency of Islam Karimov from 1991 to 2016. Based on the analysis of archival materials and scientific research, the transformation of Uzbekistan's approaches from a policy of rigid isolation and border strengthening to active regional mediation in the Afghan settlement is traced. The main stages of the development of Uzbek Afghan relations, factors that influenced the change in foreign policy course, as well as the role of I. Karimov's personality in shaping the strategy of interaction with the southern neighbor are identified. Special attention is paid to the analysis of Uzbekistan's initiatives to create international formats for resolving the Afghan conflict, the development of economic cooperation and infrastructure projects. A periodization of Uzbekistan's Afghan policy is proposed, its key characteristics and contradictions are highlighted. The results of the study allow for a deeper understanding of the logic of Uzbekistan's foreign policy behavior in the context of ensuring regional security in Central Asia.

Keywords: Uzbekistan, Afghanistan, Islam Karimov, foreign policy, regional security, Central Asia, Taliban movement, economic cooperation, mediation, «6+2» contact group.

Аннотация: В статье рассматривается эволюция афганской политики Республики Узбекистан в период президентства Ислама Каримова с 1991 по 2016 год. На основе анализа архивных материалов и научных исследований прослеживается трансформация подходов Узбекистана от политики жесткой изоляции и укрепления границ до активного регионального медиаторства в афганском урегулировании. Выявлены основные этапы развития узбекско-афганских отношений, факторы, влиявшие на изменение внешнеполитического курса, а также роль личности И. Каримова в формировании стратегии взаимодействия с южным соседом. Особое внимание уделяется анализу инициатив Узбекистана по созданию международных форматов урегулирования афганского конфликта, развитию экономического сотрудничества и инфраструктурных проектов. Предложена периодизация афганской политики Узбекистана, выделены ее ключевые характеристики и противоречия. Результаты исследования позволяют глубже понять логику внешнеполитического поведения Узбекистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, Ислам Каримов, внешняя политика, региональная безопасность, Центральная Азия, движение «Талибан», экономическое сотрудничество, медиаторство, контактная группа «6+2».

Афганская проблематика остается одним из наиболее острых вызовов для региональной безопасности в Центральной Азии. События августа 2021 года, связанные с приходом движения «Талибан» к власти в Афганистане, актуализировали необходимость осмысления исторического опыта взаимодействия центральноазиатских государств с этой страной. Особый интерес представляет изучение афганской политики Узбекистана в период правления первого президента Ислама Каримова (1991–2016 гг.), заложившего основы внешнеполитической стратегии республики на южном направлении. Поиск эффективной стратегии взаимодействия с Афганистаном имел критическое значение как для национальной безопасности Узбекистана, так и

для политического наследия И. Каримова. Для молодого независимого государства нестабильность на южных границах создавала прямую угрозу территориальной целостности, экономическому развитию и внутриполитической стабильности. Лично для президента Каримова успех афганского направления внешней политики являлся важнейшим критерием его состоятельности как лидера региональной державы и гаранта безопасности нации. В условиях конкуренции за региональное лидерство в Центральной Азии способность Ташкента предлагать работающие механизмы урегулирования афганского кризиса напрямую определяла международный статус Узбекистана и персональный авторитет его президента на региональной и глобальной арене [1].

Целью данного исследования является выявление основных этапов, факторов и механизмов трансформации афганской политики Узбекистана в период президентства И. Каримова от парадигмы обеспечения безопасности границ к активной медиаторской роли в афганском урегулировании.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать эволюцию подходов Узбекистана к обеспечению безопасности на афганском направлении, выявить основные инициативы И. Каримова по урегулированию афганского конфликта, оценить роль экономического фактора в развитии Узбекско-афганских отношений, определить место личностного фактора И. Каримова в формировании афганской политики Узбекистана и предложить периодизацию афганской политики Узбекистана в 1991–2016 годах. Научная проблема заключается в противоречии между декларируемой Узбекистаном политикой невмешательства во внутренние дела соседних государств и активным участием в различных форматах афганского урегулирования, а также между стремлением к изоляции от конфликтной зоны и объективной необходимостью развития экономического сотрудничества с Афганистаном.

В работе применяется комплексный методологический подход, включающий системный анализ для изучения афганской политики Узбекистана как целостной системы взаимосвязанных элементов, исторический метод для прослеживания эволюции узбекско-афганских отношений в хронологической последовательности, сравнительный анализ для сопоставления различных этапов афганской политики Узбекистана, институциональный подход для анализа роли государственных институтов и личности президента И. Каримова, а также геополитический анализ для оценки влияния региональных и глобальных факторов.

Различные аспекты афганской политики Узбекистана рассматривались в работах российских и центральноазиатских исследователей. Д.Б. Малышева анализировала афганский фактор в контексте региональной безопасности Центральной Азии [4; 5]. Б.И. Эргашев исследовал роль Узбекистана в афганском урегулировании и развитии экономического сотрудничества [11]. С.А. Притчин изучал трансформацию подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года [9]. А.А. Князев рассматривал афганскую политику Узбекистана в сравнительном контексте [3]. Е.Г. Гарбузарова анализировала роль И. Каримова в обеспечении центральноазиатской безопасности [2]. М.И. Огурцов исследовал афганский фактор в американо-узбекских отношениях [8].

Анализ имеющихся исследований позволяет выявить несколько важных тенденций в изучении афганского направления внешней политики Узбекистана. Большин-

ство авторов сходятся во мнении о прагматическом характере политики И. Каримова и поэтапной трансформации подходов от изоляционизма к активному вовлечению. Вместе с тем в научной литературе наблюдается определенная полярированность оценок. Часть исследователей подчеркивает конструктивную роль Узбекистана в региональной стабилизации и создании международных форматов урегулирования, рассматривая инициативы Каримова как вклад в коллективную безопасность. Другие авторы обращают внимание на противоречия узбекской политики, включая несоответствие между декларациями о невмешательстве и реальной практикой, а также на ограниченную эффективность предложенных механизмов урегулирования.

Важно отметить, что существующие работы преимущественно фокусируются на описании конкретных этапов и событий, в то время как комплексный анализ факторов, обуславливающих трансформацию внешнеполитического курса, остается недостаточно разработанным. Практически не представлен сравнительный анализ альтернативных стратегий, которые могли быть реализованы Узбекистаном на различных этапах. Кроме того, требует дальнейшего изучения вопрос о соотношении личностного фактора И. Каримова и объективных структурных условий в формировании афганской политики республики. Настоящее исследование призвано восполнить эти лакуны, предложив авторскую периодизацию и оценку роли президента Каримова в контексте долгосрочных тенденций развития узбекско-афганских отношений.

После обретения независимости в 1991 году Узбекистан столкнулся с необходимостью выстраивания отношений с южным соседом в условиях продолжающейся гражданской войны в Афганистане. Как отмечает А.А. Князев, с распадом СССР элиты новых независимых государств оказались заняты основами государственного строительства и собственного самоопределения [3]. При этом на афганском направлении сохранялась инерция последних лет существования Советского Союза, основанная на двух принципах: изоляции от событий в Афганистане и поддержке режима правительства Наджибуллы. Первоначальный подход Узбекистана к Афганистану характеризовался стремлением к минимизации контактов и укреплению границы. По данным Д.Б. Малышевой, в силу возможностей узбекской армии, которая считается самой мощной в Центрально-Азиатском регионе, и ограниченной протяженности границы Ташкенту удалось создать серьезные укрепления на своем берегу Амударьи [6]. Ухудшение ситуации в Афганистане и усиление движения «Талибан» заставили И. Каримова пересмотреть политику изоляции. В 1997 году по инициативе Узбекистана под эгидой ООН была создана контактная группа «6+2», включавшая шесть стран-соседей Афганистана (Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан,

Таджикистан и Узбекистан) и две страны-гаранта (США и Россия) [10]. Б.И. Эргашев подчеркивает, что благодаря деятельности Контактной группы 21 июля 1999 года была подписана Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане в присутствии противоборствующих сторон. Это стало первым успешным опытом медиаторской деятельности Узбекистана на афганском направлении. Важно отметить, что летом 1999 года состоялась первая неафишируемая встреча министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова с лидером движения «Талибан» муллою Мохаммадом Омаром в Кандагаре. Как указывает А.А. Князев, это была первая встреча лидера талибов с официальным лицом из стран СНГ такого ранга. Однако диалог не получил развития из-за разногласий по вопросу статуса движения «Талибан».

События 11 сентября 2001 года кардинально изменили геополитическую ситуацию вокруг Афганистана. Узбекистан одним из первых поддержал антитеррористическую операцию США и их союзников. М.И. Огурцов отмечает, что уже 12 сентября Ислам Каримов направил Джорджу Бушу послание, в котором выразил сочувствие по поводу трагедии [7]. С конца октября 2001 года на территории Узбекистана были размещены американские военные базы. По данным исследователей, на всех возможных аэродромах: Тузель, Кокайды, Фергана, Карши, Чирчик, Кагана - базировались американские ВВС. В марте 2002 года США и Узбекистан подписали Декларацию о рамках стратегического партнерства и сотрудничества.

Однако события в Андижане в мае 2005 года привели к резкому охлаждению отношений с Западом. Е.Г. Гарбузарова подчеркивает, что, классифицируя андижанские события как грубейшее нарушение демократических прав узбекских граждан, США и ЕС ввели санкции в отношении Узбекистана [2]. В результате в июле 2005 года Узбекистан потребовал вывода американских войск со своей территории. Параллельно с обеспечением безопасности Узбекистан развивал экономическое взаимодействие с Афганистаном. Б.И. Эргашев приводит следующие данные: если до 2005 года узбекско-афганский товарооборот не превышал 130 млн долларов, то в 2007 году он уже составлял около 326 млн долларов, в 2008 году – 520 млн долл. США. Узбекистан реализовал ряд крупных инфраструктурных проектов в Афганистане, включая строительство 11 мостов на участке «Мазари-Шариф – Кабул», прокладку высоковольтной линии электропередачи 220 кВ протяженностью 442 км и строительство железной дороги «Хайратон - Мазари-Шариф» протяженностью 75 км в 2009-2010 годах.

В 2008 году И. Каримов выступил с инициативой создания контактной группы «6+3», в которую помимо соседей Афганистана и России с США предлагалось включить НАТО [7]. Данная инициатива отражала понимание уз-

бекским руководством необходимости более широкого международного участия в афганском урегулировании. В июле 2012 года была утверждена Концепция внешней политики Республики Узбекистан, в которой содействие урегулированию ситуации в Афганистане было обозначено как одно из важнейших направлений. Документ закрепил принципы афганской политики, включающие проведение открытой и прагматичной политики, содействие урегулированию на принципах взаимоуважения и невмешательства, недопущение размещения иностранных военных баз на своей территории и приоритет политического решения над военным.

Анализируя роль И. Каримова в формировании афганской политики Узбекистана, необходимо учитывать персоналистский характер политической системы республики. Е.Г. Гарбузарова справедливо отмечает, что существенно высока роль личностного фактора в государствах с патримониальным режимом, к которым можно причислить Узбекистан. И. Каримов проявлял гибкость в афганском вопросе, балансируя между различными внешними силами. Исследователи подчеркивают, что И. Каримов умело лавировал между ведущими государствами мира, сглаживая тем самым их геополитическое противостояние в регионе. Это позволяло Узбекистану извлекать выгоды из сотрудничества как с Западом, так и с Россией, Китаем.

На основе проведенного анализа можно предложить авторскую периодизацию внешней политики Узбекистана в отношении Афганистана в период президентства И. Каримова, отражающую не только хронологическую последовательность событий, но и качественные изменения в стратегических подходах.

Начальный период с 1991 по 1996 годы представлял собой этап изоляции и укрепления границ, когда молодое независимое государство минимизировало контакты с Афганистаном и делало ставку на силовое обеспечение безопасности. Личная позиция И. Каримова в это время определялась стремлением оградить республику от «экспорта нестабильности» и исламского радикализма. Президент рассматривал афганскую проблему преимущественно через призму военной угрозы, что обусловило акцент на создании укрепленной границы по Амударье и минимальном взаимодействии с южным соседом.

Качественный сдвиг произошел в период с 1997 по 2001 годы, ознаменовавший переход к поиску политического урегулирования. Инициатива создания контактной группы «6+2» и первые попытки диалога с движением «Талибан» свидетельствовали о формировании нового подхода. Именно на этом этапе проявилось стратегическое видение И. Каримова, осознавшего ограниченность чисто военного подхода. Личная дипломатия президен-

та, включая санкционирование встречи министра Камилова с муллой Омаром, демонстрировала готовность к прагматичному взаимодействию даже с идеологически чуждыми силами ради национальных интересов.

События 11 сентября 2001 года открыли новую страницу в узбекско-афганских отношениях. В период с 2001 по 2005 годы Узбекистан активно сотрудничал с международной коалицией, разместив американские военные базы и участвуя в антитеррористической операции. Каримов продемонстрировал способность быстро адаптироваться к изменившейся геополитической ситуации, увидев в альянсе с США возможность одновременно обеспечить безопасность и укрепить международные позиции Узбекистана. Однако андижанские события 2005 года и последующий разрыв с Западом обнажили пределы такого сотрудничества, когда оно вступило в противоречие с внутривосточными приоритетами режима.

Вынужденное охлаждение отношений с Западом побудило узбекское руководство к новой переориентации афганской политики. В период с 2005 по 2012 годы на первый план вышло экономическое измерение взаимодействия. Развитие торгово-экономических связей и реализация крупных инфраструктурных проектов стали основным содержанием этого этапа. Каримов начал рассматривать северные провинции Афганистана как естественную сферу влияния Узбекистана и потенциальный рынок сбыта. Строительство железной дороги Хайратон-Мазари-Шариф и линий электропередачи отражало стратегию создания экономической взаимозависимости как гарантии безопасности.

Завершающий период правления И. Каримова с 2012 по 2016 годы характеризовался становлением комплексного подхода, сочетавшего политические инициативы, экономическое сотрудничество и обеспечение безопасности. Концепция внешней политики 2012 года институционализировала выработанные подходы, закрепив афганское направление как стратегический приоритет. На этом этапе Каримов синтезировал накопленный за четверть века опыт, выстроив сбалансированную модель взаимодействия с Афганистаном, основанную на многовекторности, прагматизме и долгосрочных экономических интересах.

Ключевым фактором, определившим эволюцию политики на всех этапах, являлась личность И. Каримова, его способность к стратегическому мышлению и гибкому реагированию на изменяющуюся региональную конъюнктуру. При этом очевидна тенденция к постепенному усложнению и диверсификации инструментов афганской политики – от одномерного военно-силового подхода к многоуровневой стратегии, сочетающей элементы жесткой и мягкой силы. Данная трансформация

отражает процесс политического созревания узбекского руководства и накопления опыта взаимодействия с нестабильным соседом в условиях меняющейся международной среды.

Решение выявленного противоречия между декларируемым невмешательством и активным участием в афганских делах заключается в понимании прагматичного характера внешней политики И. Каримова. Узбекистан не вмешивался во внутренние дела Афганистана напрямую, но активно формировал международные механизмы урегулирования, что позволяло влиять на ситуацию опосредованно, через многосторонние форматы. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке периодизации афганской политики Узбекистана, выявлении механизмов трансформации внешнеполитического курса от изоляционизма к активному региональному лидерству и определению роли личностного фактора в формировании внешней политики в условиях патримониального режима. Практическая значимость состоит в возможности использования исторического опыта для выработки современной стратегии взаимодействия с Афганистаном, понимании преемственности и изменений в афганской политике Узбекистана после 2016 года и учете выявленных факторов при прогнозировании развития ситуации в регионе.

События августа 2021 года и возвращение движения «Талибан» к власти в Афганистане подтверждают непреходящую актуальность подходов, заложенных в период президентства И. Каримова. Современное руководство Узбекистана во главе с президентом Ш. Мирзиёевым продолжает следовать базовым принципам политики предшественника – сочетанию прагматичного диалога с афганскими властями, развития экономических связей и участия в региональных форматах урегулирования. Более того, опыт создания контактных групп и многосторонних переговорных механизмов, накопленный в эпоху Каримова, оказался востребованным в новых условиях и лег в основу современных региональных инициатив по Афганистану. Это свидетельствует о том, что внешнеполитическое наследие первого президента Узбекистана продолжает оказывать определяющее влияние на стратегию республики в отношении южного соседа.

Исследование внешней политики Узбекистана в отношении Афганистана в период президентства И. Каримова (1991–2016 гг.) позволяет составить целостное представление о логике и динамике трансформации стратегических подходов республики к южному соседу.

Афганский вектор внешней политики Узбекистана прошел путь от жесткой изоляции и укрепления границ к активной медиаторской роли и комплексному взаимодействию. Эта эволюция была обусловлена как изменением ситуации в самом Афганистане (усиление «Тали-

бана», операция международной коалиции, затяжной характер конфликта), так и пониманием узбекским руководством невозможности полной изоляции от южного соседа при наличии общей границы и исторических связей. Постепенное осознание необходимости активного вовлечения в афганские дела, несмотря на связанные с этим риски, стало результатом болезненного процесса проб и ошибок, растянувшегося на два с половиной десятилетия.

И. Каримов продемонстрировал гибкость и прагматизм в афганском вопросе, умело балансируя между интересами различных внешних сил и извлекая выгоды для Узбекистана. Его личная дипломатия, включавшая как публичные инициативы в форме контактных групп «6+2» и «6+3», так и конфиденциальные контакты с талибами, свидетельствовала о способности выходить за рамки идеологических предпочтений в пользу национальных интересов. Именно личностный фактор президента, его стратегическое видение и политическая воля определяли содержание и динамику афганской политики на всем протяжении исследуемого периода. В условиях патримониального политического режима внешнеполитические решения концентрировались в руках главы государства, что обеспечивало последовательность курса, но одновременно создавало риски чрезмерной персонализации политики.

Стремление Ташкента играть ведущую роль в региональных процессах нашло отражение в инициативах по созданию международных форматов урегулирования. Хотя эти механизмы не привели к немедленному урегулированию конфликта, они заложили основы регионального диалога по Афганистану и продемонстрировали способность Узбекистана выступать инициатором многосторонних процессов. Позиционирование республики как незаменимого партнера в решении афганской проблемы стало важным элементом внешнеполитической идентичности узбекского государства и личного имиджа И. Каримова как регионального лидера.

Экономический фактор постепенно приобретал все большее значение в узбекско-афганских отношениях, особенно после охлаждения с Западом в 2005 году. Реализация крупных инфраструктурных проектов создавала основу для долгосрочного сотрудничества и экономической интеграции, формируя у афганской стороны заинтересованность в стабильных отношениях с Узбекистаном. Экономическая дипломатия превратилась в важнейший инструмент влияния, дополняющий политические и военные меры обеспечения безопасности. Строительство железной дороги Хайратон-Мазари-Шариф, линий электропередачи и мостов не только приносило коммерческую выгоду, но и создавало инфраструктуру взаимозависимости, связывающую северный Афганистан с узбекской экономикой.

Кажущееся противоречие между декларируемым принципом невмешательства во внутренние дела и активным участием в афганском урегулировании разрешалось через использование многосторонних механизмов и экономических инструментов. Узбекистан избегал прямого вмешательства во внутриафганскую политику, не поддерживал военно-политические группировки и не участвовал в вооруженном конфликте после 1991 года, но активно формировал международную повестку по Афганистану, что позволяло влиять на ситуацию опосредованно. Такой подход давал возможность отстаивать национальные интересы, сохраняя при этом репутацию нейтрального актора и избегая прямой конфронтации с влиятельными афганскими силами.

Опыт Узбекистана периода 1991–2016 годов убедительно демонстрирует необходимость комплексного подхода к отношениям с нестабильным соседом. Эффективная политика должна интегрировать три основных компонента: обеспечение безопасности через укрепление границы и контроль трансграничных угроз, политическое урегулирование посредством участия в международных форматах и дипломатических инициатив, а также экономическое сотрудничество в форме торговли и инфраструктурных проектов. Баланс между этими элементами менялся на различных этапах в зависимости от внутриафганской ситуации и международной конъюнктуры, но к концу правления Каримова сформировалась относительно стабильная модель, интегрирующая все три измерения в единую стратегию.

При всей важности личностного фактора успехи и ограничения узбекской политики определялись не только личными качествами И. Каримова, но и объективными структурными условиями. Географическое положение на границе с зоной хронической нестабильности, ограниченные военные и экономические ресурсы, зависимость от позиции великих держав создавали жесткие рамки для внешнеполитического маневра. В этих условиях достижения узбекской дипломатии представляются особенно значимыми, поскольку были получены при дефиците ресурсов и необходимости постоянно адаптироваться к действиям более мощных региональных и глобальных игроков.

Наследие И. Каримова в области афганской политики сохраняет актуальность в современных условиях. Базовые принципы – прагматизм, многосторонность, сочетание экономических и политических инструментов – продолжают определять подход Узбекистана к Афганистану при президенте Ш. Мирзиёеве. События 2021 года и возвращение «Талибана» к власти подтвердили дальновидность стратегической линии на поддержание диалога с любыми афганскими властями, развитие экономических связей и участие в региональных форматах урегулирования. Готовность узбекского руководства к прагматич-

ному взаимодействию с новым афганским режимом, несмотря на его противоречивый характер, напрямую восходит к практике, заложенной Каримовым еще в конце 1990-х годов.

Вместе с тем новая региональная ситуация требует творческого развития наследия первого президента с учетом изменившихся реалий. Полный вывод международных сил из Афганистана, установление контроля «Талибана» над всей территорией страны, обострение гуманитарного кризиса и усиление террористических угроз создают качественно иные вызовы, требующие обновления внешнеполитического инструментария. Пер-

спективы дальнейших исследований связаны с изучением преемственности и изменений в афганской политике Узбекистана после 2016 года, сравнительным анализом подходов центральноазиатских государств к южному соседу, а также оценкой эффективности различных инструментов внешней политики в обеспечении национальной безопасности в условиях нестабильного регионального окружения. Понимание логики эволюции узбекской политики в период Каримова остается ключом к прогнозированию будущих тенденций в узбекско-афганских отношениях и шире в региональной системе безопасности Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылева С.П. Антитеррористическая политика Узбекистана в рамках региональной антитеррористической политики ШОС // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 12(33). – С. 30–32.
2. Гарбузарова Е.Г. Роль И. Каримова в обеспечении центральноазиатской безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 5/2. – С. 13–17.
3. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. – 2023. – № 3(6). – С. 266–280.
4. Малышева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 8. – С. 14–23.
5. Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 105–123.
6. Малышева Д.Б. Центральная Азия и вывод войск МССБ из Афганистана // Год планеты. Ежегодник ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – С. 118–127.
7. Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2(312). – С. 57–63.
8. Огурцов М.И. Афганский фактор в американо-узбекских отношениях в 2001–2014 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 38–50.
9. Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 781–790.
10. Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Русская политология. – 2021. – № 3(20). – С. 34–41.
11. Эргашев Б.И. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Вызовы безопасности в Центральной Азии / под ред. И.Я. Кобринской. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С. 96–99.

© Сердцев Никита Сергеевич (onlyd2@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»